

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2016.1.12

«Код культуры» как культурологическая категория

Н. А. СИМБИРЦЕВА

(УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
г. ЕКАТЕРИНБУРГ)

Статья посвящена рассмотрению категории «код культуры» в культурологическом аспекте. Автором обобщен опыт рассмотрения кода культуры лингвистами, антропологами, социологами, культурологами. Определены основные подходы к определению кода, ориентированные на проблематизацию самого понятия и раскрытие частных элементов культуры в их историко-культурной значимости и социальной памяти. Новизна авторского исследования состоит в рассмотрении кода культуры как культурологической категории, отражающей и систематизирующей опыт семиотических, лингвистических и других исследований в этой сфере.

Культура как знаковая реальность способна аккумулировать смыслы, сохранять их и подвергать изменениям внутри пространственно-временного континуума. Трансляция и интерпретация смыслов осуществляются на социальном уровне. Роль субъекта как интерпретатора кодовых ценностей культуры является значимой, так как актуализация и дальнейшее функционирование кода напрямую зависят, с одной стороны, от личного интереса, и с другой — от потребности общества в нем.

Код культуры определяется автором как совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившая вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающая интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющая коммуникативный потенциал на уровне личного восприятия и социально-культурных практик.

Основными характеристиками кода культуры являются интерпретативная устойчивость и коммуникативные возможности. Репрезентативность текста культуры есть отражение его смыслового потенциала, благодаря силе и яркости которого образ эпохи предстает как многогранная реальность. В этом случае сама культура обретает язык и возможность «говорить» через текст. В зависимости от типа фиксации информации и способа ее «хранения» код находит свое воплощение в разнокачественных текстах (вербальных и невербальных). Каждая эпоха формирует кодовую систему, обладающую универсальным характером, но предлагаемый набор культурных кодов имеет отличительные особенности, например, в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществах.

Прочтение и интерпретация кода представляют собой субъективный процесс и зависят от личного восприятия и особенностей содержания и бытования социально-культурных практик.

Ключевые слова: код культуры; текст культуры; интерпретация; историко-культурный контекст; диалог культур

ВВЕДЕНИЕ

Знаковая реальность формирует пространство для коммуникации и не может существовать без нее. Для вхождения в семиосферу индивиду необходимо иметь семиотический культурный опыт, важный для ведения диалога внутри пространства и времени культуры. В результате историко-культурный контекст становится близким и понятным: то, что в быту и повседневности выглядит незначительным, наполняет культуру и делает ее «живой» для восприятия.

Опыт представления культуры как поликодовой системы и особой формы реализации творческих интенций человека во всем их многообразии отражен в работе Ю. М. Лотмана. Автор рассматривает семиосферу как «генератор информации» (Лотман, 1996: 170), а культуру — как «генератор структурности», подчеркивая что «мощным источником структурности» является язык как оптимальное средство выражения культурных смыслов (Лотман, 2000: 487–489). В языке культура «заимствует» оболочки (тела) знаков, которые впоследствии становятся репрезентантами смыслов культуры. Любое воплощение кода культуры есть формирование культурного текста, претендующего на прочтение как внутри, так и за пределами эпохи. Код актуализируется тогда, когда, по словам У. Эко, осуществляется переход от мира сигналов к миру смыслов, под которым понимаются значащие формы, организующие связь человека с миром информации, с миром идей, образов и ценностей данной культуры (Эко, 1998).

Говоря о значении кодов в жизни человека, М. Фуко отмечает, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» (Фуко, 1977: 37). Сущностью кода можно назвать способность концентрировать содержание смыслов и ценностей культуры. На уровне понимания, осмысления и интерпретации код культуры «прочитывается» индивидуально.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать культурологический потенциал категории «код культуры». Для достижения цели необходимым было обращение к опыту отечественных и зарубежных исследователей в данном вопросе. Важным этапом постижения кода культуры мы определяем его прочтение и интерпретацию в истории культуры, а также отмечаем его (кода) функционирование как способ хранения и трансляции социальной памяти.

*ОПЫТ РАССМОТРЕНИЯ КАТЕГОРИИ
«КОД КУЛЬТУРЫ»*

На сегодняшний день в определении кода (здесь и далее, говоря «код», мы будем иметь в виду «код культуры») можно выделить два подхода: проблемно-содержательный, описывающий сложность и неоднозначность интерпретации самой категории в гуманитарном знании, и узко предметный, ориентированный на раскрытие «устойчивых компонентов сознания, структур деятельности и поведения» (Аванесова, Купцова, 2015: 31) в истории человечества. В качестве традиционных структур культуры выступают традиции, обычаи, стили, картины мира и т. д., реализующиеся в ритуализованных формах, в символических моделях поведения, в обращении к образам и т. п. Особую значимость социологи, этнологи, антропологи придают устойчивым компонентам культуры по нескольким причинам. Первая из них — то, что эти компоненты

интегрируют не только взаимодействующих между собой носителей культуры в процессе жизнедеятельности, но и оказывают влияние на последующие поколения, актуализируя опыт предков, живущих носителей культуры и потомков. Традиционные структуры обладают информационной, ментальной памятью, и их трансформация может занять долгое время. И это выгодно сказывается на формировании кодов культуры. Вторая причина связана с интересом к тому, как традиционное и устойчивое бытует на уровне изменчивых элементов: социальных механизмов, развития массовых процессов и на уровне индивидуального поведения. С появлением инноваций, предлагаемых каждым новым поколением, происходит обновление уже существующих и сложившихся смыслов культуры, а соответственно и самих кодов. В то же время образ культуры сохраняет свою индивидуальность за счет неизменности устойчивых характеристик.

Результат рефлексии человека и общества над ценностно-нормативными изменениями в культуре закрепляется в коммуникативных стратегиях и моделях поведения. За счет происходящих изменений расширяются поля культуры. Коды способны «сдерживать» («стягивать») смысловую целостность и влиять на этнокультурную адаптацию определенной культуры, не исключая ее интеграции в общий культурный процесс. Регулятивный и нормотворческий характер кода определяется как его типологический признак. А. Р. Усманова акцентирует внимание на способности кода к структурированию знаковой реальности. По ее мнению, «код может быть определен тройным образом: 1) как знаковая структура; 2) как правила сочетания, упорядочения символов, или как способ структурирования; 3) как окказионально взаимодозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» (Усманова, 2001: 364).

Н. И. и С. М. Толстые дают следующее определение культуры: она «представляет собой иерархически организованную систему разных кодов, т. е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к “картине мира”, к мировоззрению данного социума <...>. Эти разные коды <...> оказалось возможным соотносить друг с другом по способу перевода с языка на язык через общий для них содержательный план, служащий как бы языком-посредником» (Толстой, Толстая, 1995: 7). Рассматривать культуру как множество кодов — значит находиться в состоянии постоянного декодирования. Коды соотносятся друг с другом и прочитываются на уровне общности плана содержания, отражающего картину мира определенного времени и пространства. Вторичные знаковые системы несколько отличаются от того, что следует понимать как код.

В. Н. Телия определяет код культуры как «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума — о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присутствующих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» (Телия, 1999: 20–21). В этнопсихолингвистике В. В. Красных определяет код культуры, «как “сетку”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» (Красных, 2002: 232).

Г. А. Аванесова и И. А. Купцова, определяя сущность кодов культуры и их функциональную роль в культурной практике, выделяют такое структурное качество кода, как «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой предписаний, стан-

дартов, ограничений и установок по отношению к разным видам деятельности (коммуникативной, преобразовательно-технологической, семантической, аксиологической, познавательной, эстетической и т. п.), центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» (Аванесова, Купцова, 2015: 34). Культурный код, по мнению авторов, вырабатывается в пределах определенной эпохи и открыт к изменению, самопорождению новых и появлению вторичных кодов (по их связи со структурами социальных кодов). Коды культуры формируются постепенно и продолжительное количество времени в процессе жизнедеятельности всего народа: «Для формирования и обновления институционализированных и рационально осмысленных кодов (общественной коммуникации, символики политической жизни) потребуется, по меньшей мере, период активной жизни 2–3 поколений (в пределах от 70 до 100 лет). Базовые коды культуры, которые зачастую трудны для выявления и рефлексии, требуют гораздо больше времени для созревания, по видимому, не одно столетие; меняются же они в крайне замедленном темпе» (там же: 35). В этом кроется залог сохранения и жизнеспособности этнокультуры. Авторы выделяют ключевые параметры кода культуры: предметность, знаковость и идеальность, на которые стоит ориентироваться в процессе прочтения текста культуры (Симбир-цева, 2013).

Продолжая логику Ю. М. Лотмана, авторы статьи определяют коды как несущую конструкцию, позволяющую «всему “зданию культуры” конкретного этноса сохранять прочность в течение длительного периода времени, а ее носителям (представителям разных поколений) глубоко осознавать свою неразрывность с родной культурой, поддерживать чувство этнокультурной идентичности» (Аванесова, Купцова, 2015: 37). И это становится допустимым благодаря появлению таких стабильных единиц, как нормы менталитета, критерии оценок, содержательно-смысловые схемы, которые складываются в процессе продолжительного коллективного опыта, исторической и культурной памяти, творческих проявлений социума и отдельных личностей. Эти единицы носят антропогенный характер и отражают понимание и оценивание окружающего мира, эталоны (стандарты) деятельности, воплощаемые в нормах и технологиях труда.

КОД КУЛЬТУРЫ И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ

Согласно У. Эко код — это «система, устанавливающая: 1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально взаимоднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» (Эко, 1998: 45). Коды культуры становятся своеобразной системой координат для человека, содержащей и задающей эталоны культуры. «Прочитать» культуру или воссоздать ее образ возможно при условии декодирования целой системы кодов, по У. Эко, которая состоит из 1) кодов восприятия; 2) кодов узнавания; 3) кодов передачи; 4) тональных кодов; 5) иконических кодов (фигуры, знаки, семы); 6) иконографических кодов; 7) кодов вкуса; 8) риторических кодов; 9) стилистических кодов; 10) кодов бессознательного. Каждая личность обладает своим набором кодов, и, несмотря на их универсальность в культуре большого времени¹, смысл кода получает индивидуальную интерпретацию.

Вербальная и невербальная информация, содержащаяся в тексте культуры, соотносится с уровнем умения личности владеть языком культуры и с уровнем умения выстраивать коммуникативные связи. Иконические и символические знаки менее устой-

чивы, чем знаки вербальные, так как их восприятие зависит от особенностей восприятия личности. Общий смысл текста культуры, извлекаемый из кодовой системы, складывается из множества типов связей, которые образуются в семиотической системе. Способность кода упорядочить знаковую реальность «позволяет осуществить коммуникацию, ибо код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации» (там же: 44). У. Эко определяет код как структурную модель. В пределах ее правил формируется ряд сообщений, «которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми» (там же: 67). Ситуации, возникающие благодаря (или вопреки) кодовым различиям, способствуют «самоопределению системы» (Луман, 2005: 31) в культурном контексте.

Резюмируя вышесказанное, **кодом культуры** мы называем совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик.

В зависимости от того, какой тип фиксации и «хранения» информации является ведущим (определяющим) на конкретном историко-культурном этапе, формируется и своеобразный корпус текстов. Соответственно, вербальные тексты рассматриваются в системе традиционной интерпретации, но с учетом специфики контекстуальных связей внутри культуры, т. е. как текст внутри текста культуры. Невербальные тексты классифицируются по принципу их восприятия рецепторами человека: визуальные, аудиальные (слуховые), тактильные, вкусовые, обоняемые (ольфакторные) — и прочитываются исходя из особенностей функциональной предназначенности в культуре.

Но тут возникает парадокс: максимально востребованными человеком из предложенной цепочки оказываются два типа текста — визуальные и аудиальные, причем первые обусловлены природой восприятия реальности человеком, который воспринимает 90% информации глазами. Как пишет Р. О. Якобсон, «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для человеческого общества знаковых систем воспринимается посредством зрения и слуха» (Якобсон, 1985: 323).

Актуальность в интерпретации неязыковых текстов (объектов), по Р. Барту, возникает тогда, когда они «становятся по-настоящему значащими лишь постольку, поскольку они *дублируются или ретранслируются языком*» (Женетт, 1998: 193; курсив автора. — Н. С.; см. также: Барт, 1975: 114–115). Благодаря языку невербальные тексты получают добавочное (добавочные) значение, а те, в свою очередь, могут дублировать язык и «вносить» в него дополнительные смыслы. Визуальные тексты обладают способностью создавать образ, рассчитанный на разное рецепторное восприятие. Диалектика отношений вербальных и невербальных текстов далеко не нова. В процессе выделения ключевого кода культуры становится важным то, какой способ хранения и трансляции информации стоит на первом месте в конкретный историко-культурный период.

КОД КУЛЬТУРЫ КАК АНАЛОГ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

При выборе текста как репрезентанта культуры учитывается не только его ценностная и эстетическая значимость, но и потенциал, позволяющий раскрыть код эпохи:

информация, закодированная в самом объекте восприятия, и информация, которая сопутствует ему. Репрезентативность текста культуры связана со способностью текста «говорить» о культуре. И чем сильнее текст, тем ярче, шире и многограннее рисует он образ эпохи. В таком случае сама культура обретает язык и возможность «говорить» через текст.

Представление информации, заключенной в тексте культуры, позволяет говорить еще о двух критериях — репрезентации и репрезентативности текста культуры, которые зависят как от объективных, так и от субъективных начал. Оба начала проявляются в системе культурных знаков и символов, живущих по законам собственного синтаксиса. Эта система, по мнению Р. Д'Андрата, «образует язык культуры или культурный код — способ сохранения и трансляции культурной информации, аналог культурной памяти. Поколения людей обеспечиваются информацией, символически закодированной и культурно транслируемой» (Пашкова, 2012: 167; см.: D'Andrade, 1984: 88–89).

Функция памяти, которую выполняют язык культуры и «культурный код», обеспечивает передачу информации от одного поколения другому в пределах всей человеческой истории. Культурная память — это социальный механизм актуализации смыслов и ценностей, подвергающихся интерпретации внутри конкретного пространства и конкретного времени. Она не обладает абстрактным характером, и если речь идет о реконструкции прошлого (далекого прошлого), то стоит говорить и о «параметрах» артефактов («архем»²). Согласно археологической типологии А. С. Клейна выделяется пять параметров артефактов, три из которых собственные (материально-технические характеристики, предполагаемая функция и локализация во времени и пространстве) и две реляционные (схожесть и контекст) (Клейн, 1991: 351). Благодаря артефактам, обладающим этими параметрами, осуществляется связь времен. Они (артефакты) становятся своеобразным вместилищем памяти как прямой (о самом себе и в себе заключенной), так и косвенной, прочитываемой через контекстуальные связи, близкие и далекие с другими артефактами (материальными объектами).

С. В. Горюнков определяет социальную и антропологическую значимость «метакодов». При этом автор обуславливает роль человека как роль инструментария культуры: через человека и посредством человека культура раскрывает себя, посвящает в свое «метаязыковое содержание». Она (культура) «*программирует своим языком* — языком вторичных знаковых систем как универсальным интерпретантом культуры» (Горюнков, 2014: 123–124; курсив автора. — Н. С.). Одновременная способность языка жить-в-тексте культуры, жить-в-нас и говорить нами отражает его герменевтическую сущность текста культуры на уровне временной преемственности и диалоговых отношений в большом и малом времени (по М. М. Бахтину).

Например, в традиционном типе культуры сообщение как текст, передаваемое посредством образов, ориентировано на трансляцию информации. Его ценность становится актуальной для современных исследователей культуры, которые стремятся проникнуть в глубину веков и через образы реконструировать, прочитать и тем самым декодировать запечатленный образ прошлого. Порой даже не столько фактический объект несет информацию, сколько объект, понимаемый как текст, в котором она закодирована. Это история и способы его (объекта) создания, функции, значимость для социально-культурной реальности, кому и с какой целью предназначался, каков образ человека, его создавшего. В целом декодирование текстов традиционной культу-

ры является свидетельством того, что важной для истории и культуры является не только сообщаемая самим объектом информация, но и другие компоненты: факты, события, знания о них, системность и контекстуальность, которые напрямую не сообщаются объектом культуры, но считаются субъектом восприятия. Сложность заключается в том, что именно субъект играет значимую роль в интерпретации информации: как будет прочитан и осмыслен тот или иной артефакт, будут ли появляться искажения в смысловых и функциональных структурах анализируемого объекта и от чего это зависит. В этом случае код культуры выступает в качестве сдерживающего смыслового конструкта.

В условиях индустриального общества текст культуры воспринимается как прямой источник информации. Стремление объяснить мир и человека с позиций рационализма приводит, с одной стороны, к четкости и стройности формулирования мысли, а следовательно — и научного мышления; с другой — усложняется мир сознания человека. Мир предстает как текст, требующий прочтения и разъяснения не только на научном уровне, но и на повседневно-бытовом. Развитие литературного творчества в различных направлениях открывает человеку новые перспективы и возможности описывать мир и человека и закреплять знания о них в знаковой форме. Реакция человека на первичные и вторичные знаковые системы в культуре становится формой естественного диалога с Большим временем.

В постиндустриальном обществе формируется особый тип мышления: в последние десятилетия XX в. и начале XXI в. человек не только мыслит образами (преимущественно визуальными), но и предпринимает активные действия по перекодированию письменного текста в систему визуального ряда. Современный человек привык к «перевариванию» готовых образов, тестовому контролю знаний. Ему тяжело вырваться за пределы «массовой социализации». Современное общество, как считает Г. Маркузе, характеризуется таким типом личности, как «одномерный человек» (Маркузе, 2002). Для XXI в. характерна доступность информации. Это облегчает процесс узнавания кода культуры и его интерпретации, но только при определенных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Код самодостаточен для формирования и сохранения человеческой культуры и узнаваем в каждом из типов культуры (в традиционном, индустриальном и постиндустриальном). Он универсален и наличествует в любом историко-культурном контексте.

Но каждая эпоха предлагает свой набор культурных кодов, открытых к изменениям и порождению новых культурных смыслов и кодов. Современному человеку необходимо уметь выстраивать логические, мотивированные культурой и взаимоопределяемые связи между объектами культуры, историей и культурой как на синтагматическом, так и на парадигматическом уровнях. В этом случае код культуры нуждается в квалифицированном прочтении — образы прошлого с течением времени становятся все дальше, а смысловых контекстов становится все больше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Категории «большое время» и «малое время» употребляются нами в тексте согласно концепции диалога М. М. Бахтина: «Малое время (современность, ближайшее прошлое и предвидимое (желаемое) будущее) и большое время — бесконечный и незавершимый диалог,

в котором ни один смысл не умирает. <...> рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) — они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспоминаются и оживают в обновленном (в новом контексте) виде (Бахтин, 1986: 392–393; курсив автора. — Н. С.).

² «Архемы — это непосредственные материальные результаты исторических событий и процессов, материальные остатки и следы участвовавших в этих событиях и процессах предметов, мысленно фиксированных в момент отложения, аккумулировавшие в себе время их бытования в культуре» (Клейн, 1991: 351).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова, Г. А., Купцова, И. А. (2015) Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. № 4 (47). Новосибирск : СибАК. 194 с. С. 28–37.

Барт, Р. (1975) Основы семиологии / пер. с франц. Г. К. Косикова // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М. : Прогресс. 469 с. С. 114–163.

Бахтин, М. М. (1986) К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство. 445 с. С. 381–393.

Горюнков, С. В. (2014) Мета-коды культуры. СПб. : ООО «Контраст». 304 с.

Женетт, Ж. (1998) Изнанка знаков / пер. с фр. С. Зенкина // Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых. Т. 1. 472 с. С. 189–204.

Клейн, А. С. (1991) Археологическая типология. Л. : ЛФ ЦЭНДИСИ ; Ленингр. науч.-исслед. археол. объединение. 447 с.

Красных, В. В. (2002) Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис. 283 с.

Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.

Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ. 704 с.

Луман, Н. (2005) Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Праксис. 256 с.

Маркузе, Г. (2002) Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : ООО «Издательство АСТ». 526 с.

Пашкова, Н. И. (2012) Культурный код — символический язык культуры // Язык и культура. № 3. С. 167–171.

Симбирцева, Н. А. (2013) Особенности прочтения текста культуры // Фундаментальные исследования. № 10–5. С. 1136–1140.

Телия, В. Н. (1999) Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры. 336 с. С. 13–24.

Толстой, Н. И., Толстая, С. М. (1995) О Словаре «Славянские древности» // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого : в 5 т. М. : Международные отношения. Т. 1: А–Г. 584 с. С. 5–14.

Усманова, А. Р. (2001) Код // Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : Интерпрессервис ; Книжный дом. 1040 с. С. 364.

Фуко, М. (1977) Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М. : Прогресс. 488 с.

Эко, У. (1998) Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник ; под ред. М. Г. Ермаковой. СПб. : ТОО ТК «Петрополис». 432 с.

Якобсон, Р. О. (1985) Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. О. Избр. раб. : пер. с англ., нем., фр. яз. ; предисл. В. В. Иванова ; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. М. : Прогресс. 455 с. С. 319–330.

D'Andrade, R. G. (1984) Cultural meaning systems // Cultural theory: Essays on mind, self and emotion / ed. by R. A. Shweder, R. A. Levine. Cambridge, UK : Cambridge University Press. viii, 359 p. P. 88–119.

Дата поступления: 10.11.2015 г.

'CULTURE CODE' AS A CATEGORY OF CULTUROLOGY

N. A. SIMBIRTSEVA

(URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, YEKATERINBURG)

This article deals with the category of 'culture code' in its culturological aspect. The author summarizes the treatment of this notion by linguists, anthropologists, sociologists and scholars of culture, outlining major approaches to defining culture code. These approaches are focused on problematizing the notion of culture codes and locate cultural details in their historical and cultural relevance or social memory. The novelty of the author's research lies in examining culture code as a category of culturology, reflecting on and systematizing the existing body of semiotic, linguistic, and other dimensions of research.

Culture as a symbolic reality is able to accumulate meanings as well as preserve and transform them within the space-time continuum. Translation and interpretation of these meanings happens on the social level. The role of the subject as an interpreter of culture's coded values is quite important, since the actualization and functioning of code depends on individual motivation, as well as on how much the society needs it.

The author defines culture code as a corpus of signs and their combinations within a certain historical and cultural period. This corpus finds its verbal and/or non-verbal expression in texts of culture. It has interpretative stability in the space-time continuum and accumulates communicative capability on the level of personal perception and socio-cultural practices.

Thus, interpretative stability and communicative capability can be viewed as the two main characteristics of culture code. The representative nature of a text of culture is a reflection of its semantic capability. The power and appeal of the latter help shape a historical and cultural period as a multi-dimensional reality. In this case, a culture assumes the 'language' and the ability to 'speak' through the text. Code is embodied in both verbal and non-verbal texts, depending on the type of recording information and the method of its 'storage'. Each epoch generates a code system of a universal character, but its set of culture codes has certain distinctive features, as seen, for example, in traditional, industrial and postindustrial societies.

Reading and interpreting the code is a subjective process determined by personal perception, the nature of the content and existing sociocultural practices. Culture code is thus the key to cultural memory.

Keywords: culture code; text of culture; interpretation; historical and cultural context; dialogue of cultures

REFERENCES

Avanesova, G. A. and Kuptsova, I. A. (2015) Kody kul'tury: ponimanie sushchnosti, funktsional'naya rol' v kul'turnoi praktike [Culture codes: Understanding their essence and the functional role in cultural practice]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii* [In the world of scholarship and art: Issues of philology, art studies and culturology] : Papers delivered at 47th international research-to-practice conference. No. 4 (47). Novosibirsk, SibAK Publ. 194 p. Pp. 28–37. (In Russ.).

Barthes, R. (1975) Osnovy semiologii [Elements of semiology] / transl. from French by G. K. Kosikov. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: "Pro" and "Contra"] : A Collection of

articles / ed. by E. Ya. Basin and M. Ya. Poliakov. Moscow, Progress Publ. 469 p. Pp. 114–163. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986) К методологии гуманитарных наук [On the methodology of the humanities]. In: Bakhtin, M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. 2nd edn. Moscow, Iskusstvo Publ. 445 p. Pp. 381–393. (In Russ.).

Goriunkov, S. V. (2014) *Meta-kody kul'tury* [Meta-codes of culture]. St. Petersburg, Kontrast LLC Publ. 304 p. (In Russ.).

Genette, G. (1998) Iznanka znakov [The inside of the inside] / transl. from French by S. Zenkin. In: Genette, G. *Figury* [Figures] : in 2 vols. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. Vol. 1. 472 p. Pp. 189–204. (In Russ.).

Klein, A. S. (1991) *Arkheologicheskaja tipologija* [Archaeological typology]. Leningrad, LF TsENDISI [Leningrad Branch of the Center for Economic, Scientific and Technological Activities, Research and Social Initiatives]; Leningradskoe nauchno-issledovatel'skoe arkheologicheskoe ob'edinenie [Leningrad Research Archaeological Association]. 447 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologija* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ. 283 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri mysliashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija* [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ. 464 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ. 704 p. (In Russ.).

Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of the mass media] / transl. from German by A. Yu. Antonovskii. Moscow, Praxis Publ. 256 p. (In Russ.).

Marcuse, H. (2002) *Eros i tsivilizatsija. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitoego industrial'nogo obschestva* [Eros and civilization. The one-dimensional man: Studies in the ideology of advanced industrial society] / transl. from English, afterword, notes by A. A. Yudin ; comp., foreword by V. Yu. Kuznetsov. Moscow, AST Publ. 526 p. (In Russ.).

Pashkova, N. I. (2012) Kul'turnyi kod — simvolicheskii iazyk kul'tury [Cultural code — The symbolic language of culture]. *Iazyk i kul'tura*, no. 3, pp. 167–171. (In Russ.).

Simbirtseva, N. A. (2013) Osobennosti prochtenija teksta kul'tury [Specifics of reading a cultural text]. *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 10-5, pp. 1136–1140. (In Russ.).

Teliia, V. N. (1999) Pervoочerednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniia frazeologicheskogo sostava iazyka v kontekste kul'tury [Priority tasks and methodological issues of studying phraseology of a language in the context of culture]. In: *Frazeologija v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture] / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ. 336 p. Pp. 13–24. (In Russ.).

Tolstoy, N. I. and Tolstaia, S. M. (1995) O Slovare «Slavianskie drevnosti» [On “Slavic antiquities” as a dictionary]. In: *Slavianskie drevnosti* [Slavic antiquities] : in 5 vols. / ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. Vol. 1. 584 p. Pp. 5–14. (In Russ.).

Usmanova, A. R. (2001) Kod [Code]. In: *Postmodernizm: Entsiklopediia* [Postmodernism: An encyclopedia] / ed. by A. A. Gritsanov and M. A. Mozheiko. Minsk, Interpresservis Publ ; Knizhnyi dom Publ. 1040 p. (In Russ.).

Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi. Arkheologija gumanitarnykh nauk* [The order of things: An archaeology of the human sciences] / transl. from French by V. P. Vizgin and N. S. Avtonomova. Moscow, Progress Publ. 488 p. (In Russ.).

Eco, U. (1998) *Otsutstvuiushchaja struktura. Vvedenie v semiologiju* [The absent structure: Introduction to semiotics] / transl. from Italian by A. G. Pogoniatlo and V. G. Reznik ; ed. by M. G. Ermakova. St. Petersburg, Petropolis Publ. 432 p. (In Russ.).

Jakobson, R. O. (1985) Iazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Language in relation to other communication systems]. In: Jakobson, R. O. *Izbrannye raboty* [Selected works] : transl. from English, German, French ; foreword by V. V. Ivanov ; comp., ed. by V. A. Zvegintsev. Moscow, Progress Publ. 455, [1] p. Pp. 319–330. (In Russ.).

D'Andrade, R. G. (1984) Cultural meaning systems. In: *Cultural theory. Essays on mind, self and emotion* / ed. by R. A. Shweder and R. A. Levine. Cambridge, UK, Cambridge University Press. viii, 359 p. Pp. 88–119.

Submission date: 10.11.2015.

Симбирцева Наталья Алексеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26. Тел.: +7 (343) 235-76-42. Эл. адрес: Simbirtseva.nat@yandex.ru

Simbirtseva Natalia Alekseevna, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Culturology, Ural State Pedagogical University. Postal address: 26 Kosmonavtov Pr., 620017 Yekaterinburg, Russian Federation. Tel.: +7 (343) 235-76-42. E-mail: Simbirtseva.nat@yandex.ru